

Четверть века на сцене Большого театра

Феноменальным по силе и объему голосом обладал Максим Дормидонтович Михайлов. Если Пирогов и Рейзен были высокими басами, то Михайлов имел голос, который нужно охарактеризовать, как центральный бас. Высоких басовых партий, за исключением Сусанина, он не пел. И меня, откровенно говоря, удивляло, как такой мощный и грузный голос просто и легко справляется с высокой по tessiture и виртуозной партией Сусанина.

Правда, нужно сказать, что все данные этого артиста — невысокая, но плотная фигура, простое, но доброе, привлекательное лицо и, конечно, феноменальный голос как нельзя лучше подходили к этому образу.

Максим Дормидонтович страшно огорчался, если вдруг не мог выступить в спектакле, объявленном на афише. Со мной же произошёл такой случай. Однажды он должен был петь Варяжского гостя. Спектакль был утренний и предназначался для наших солдат. Я плохо себя чувствовал, был простужен, сидел дома. Вдруг раздался телефонный звонок. Звонили из театра и передали, что Михайлов просит меня срочно зайти к нему в гримировальную комнату. Я быстро собрался и через несколько минут был в театре. Когда я зашел к Михайлову, то увидел его, как всегда, до пояса голого за гримировальным столом. И окно, несмотря на холодный ноябрьский день, было открыто настежь. Он обратился ко мне:

— Ваня, выручи, пожалуйста, меня. Не звучит у меня что-то голос. Спой за меня Варяга!

Нужно сказать, что болел Михайлов чрезвычайно редко, и этот случай был из ряда вон выходящим. Я спросил его:

— Что случилось, Максим Дормидонтович? Что с голосом? Простыли?

— Нет, — ответил он. — Понимаешь, шел я вчера мимо Елисеевского магазина, думаю, дай зайду, посмотрю, что там есть интересного. Смотрю, какие-то консервы, кажется, китайские. Решил купить пару банок. Пришел домой. Сел обедать, открыл банку, попробовал — очень вкусно. Так всю банку и съел. А потом у меня голос сел.

— Но ведь я тоже простужен, — ответил я ему, — и с голосом у меня тоже неважно.

Но он умолил меня спеть:

— Ведь что же могут подумать и сказать солдаты? Михайлов не захотел для них петь.

Я быстро загримировался, вышел на сцену, спел и возвратился за кулисы. Вхожу в гримировальную комнату — на столе стоит бутылка шампанского и ваза с фруктами. Михайлов налил два бокала, поднял свой и сказал:

— Дорогой Ваня, хороший ты человек, спасибо тебе! Выручил меня! За твое здоровье!

Выдающимся певцом-баритоном был Владимир Михайлович Подлитковский. Он пел все драматические партии, а иногда и лирические: Грязного, Томского, Скария, Демона, Эскамильо и даже Онегина. Причем, он был превосходным актером. Как мастерски он умел пройти по сцене, вынуть шпагу или снять головной убор — шляпу, военный кивер. И голос его звучал прекрасно.

Владимир Михайлович исполнял иногда и басовые партии. Его голос и актерское мастерство позволяли ему выступать в ролях Руслана, Мефистофеля. Однажды, после нескольких лет

Иван ПЕТРОВ

моей работы в Большом театре, он остановил меня в коридоре, и между нами состоялся душевный разговор.

— Я хочу Вас предупредить, — сказал Владимир Михайлович, — чтобы Вы не разбрасывали свой голос. Диапазон его позволяет Вам петь и высокие, и средние, и низкие партии, но Вы сосредоточьтесь на высоких партиях. Все-таки у Вас бас-кантанте. Ведь я, когда начал петь не только баритональные партии, но и басовые, свой голос надломил. Он даже перестал мне одно время подчиняться, и мне стоило больших трудов, чтобы снова свой голос направить в правильное русло.

Самое сильное впечатление среди всех баритонов Большого театра производил на меня Дмитрий Данилович Головин. Я слышал его еще до сорокового года, когда подростком был на «Севильском цирюльнике», где пели Барсова, Лемешев, Пирогов, находившиеся тогда в расцвете своих сил. Головин пел партию Фигаро. Казалось бы, — совсем небольшую. Она включает в себя каватину, несколько сольных фраз и участие в ансамблях. Но Головин главенствовал над всеми, таким он обладал голосом и такой необыкновенной притягательной силой. На сцене он держался чрезвычайно просто, и именно его внутренний темперамент захватывал слушателей.

Например, я помню, что выбегающая в начале действия, он не стоял на месте, как все это делают. Он пел, непрерывно двигаясь по сцене, пританцовывая, а в конце просто танцевал с гитарой, и высокие ноты, которыми изобиловало окончание арии, бросал, как жонглер мячи. Это производило потрясающее впечатление, и конечно, разражалась буря аплодисментов. Трудно даже описать эту овацию.

Я помню его и в Мазепе. Как он чувствовал внутреннее состояние своего героя! В ариозо он сидел, обхватив голову руками, перед портретом Марии, который стоял на столе, с какой глубиной чувства и силой произносил он фразу «О, Мария!». Как необыкновенно красиво звучал его голос на словах «в неге томной», а во фразах «в объятиях находил я рай» высокое соль-бемоль и ля-бемоль звучали так, что, казалось, вокальным возможностям и беспредельному дыханию певца нет предела. Его голос заливал зал, но поражала даже не сила звука, а множество красивейших обертонов в нем. После фортиссимо этой фразы Головин в заключение переходил вдруг на пиано, и слова «О, Мария, как я люблю тебя» звучали с захватывающей нежностью. Как он все это пел — забыть нельзя.

Я помню, как необыкновенно Дмитрий Данилович пел развернутую, большую партию Демона. Когда он, стоя позади плачущей Тамары, как бы распахнув крылья, произносил «К тебе я стану прилетать, сны золотые навевать» и брал высокие ноты соль и фадиз, они звучали так красиво и с такой мощью, что публика бесновалась.

Говорят, что когда прерывается действие, нарушается художественное целое спектакля. Но ведь опера — это искусство пения, и своим пением артист доставляет такое удовольствие, что все остальное отодвигается на второй план. Прошло уже сорок лет, а я как сейчас слышу голос Головина в этих партиях. Потрясающий был артист.

Мне удалось спеть с ним несколько спектаклей. В «Севильском цирюльнике» я пел Дон Базилио, а он — Фигаро. Правда, к этому времени он пел уже не с таким блеском, но благодаря его мастерству и слушать его, и сле-

дить за его игрой было очень приятно.

Очень интересным певцом был Александр Иосифович Батурин. Высокого роста, хорошо сложенный, мощный человек. Батурин учился в Италии и был мастером своего дела. Очень красивый высокий бас-кантанте позволял ему петь и басовые, и баритональные партии. В начале своей карьеры он исполнял Мефистофеля, Мельника в «Русалке», Досифея. Но в последние годы, видимо, не желая соревноваться с Пироговым и Рейзеном, Александр Иосифович начал выступать в ролях Руслана (причем, пел его прекрасно), Томского, Князя Игоря, Эскамильо, Вильгельма Телля, Пимена, Нилаканты, Кочубея.

Как профессор Московской консерватории Александр Иосифович подготовил много хороших певцов, которые пели и поют в разных театрах нашей страны. Александр Иосифович был очень симпатичным, жизнерадостным человеком, он часто помогал мне советами, и мы дружили с ним, хотя спустя несколько лет стали «соперниками» по многим партиям.

Из старой плеяды певцов выделялся и Василий Никитич Лубенцов. Он обладал центральным басом, «увесистым» по звучанию голосом. Талантливый, яркий актер Лубенцов в свое время пел в Большом театре все ведущие басовые партии, а потом перешел на более характерные роли — Фарлафа, Варлаама, Хованского, Царя Салтана. И вокально, и сценически это получалось у него очень здорово. Все его персонажи были живыми и «сочными» и я, глядя на него, получал большое удовольствие.

Одним из ведущих теноров Большого театра был Иван Семенович Козловский, под руководством которого я начинал свою карьеру певца в оперном ансамбле при Московской филармонии. С первых моих шагов на сцене Иван Семенович проявлял ко мне внимание и старался направлять меня по правильному пути. Когда же в 1943 году я начал работать в Большом театре, наши отношения стали еще более теплыми, а затем и дружескими. Со временем я получил возможность петь с ним в одних спектаклях, и всегда с большим удовольствием вспоминаю о наших совместных выступлениях в «Фаусте», «Севильском цирюльнике», «Демоне», «Борисе Годунове», «Князе Игоре». В этих операх, как, впрочем, и во всех других, Козловский порадовал не только публику, но и нас, артистов, огромным мастерством, которое вдохновляло нас при наших общих выступлениях.

Но если я заговорил о тенорах, то должен много лестных слов сказать и о Никандре Сергеевиче Ханаеве, который тоже очень хорошо, по-отечески относился ко мне.

Когда я спел две-три партии в театре, он сказал мне: «Ваня, помни мое слово! Через несколько лет ты будешь премьером в театре». Так оно и случилось.

Ханаев обладал редчайшим драматическим тенором огромного диапазона и владел им отлично. Он был невысокого роста, но строен, всегда подтянут, обаятелен. За кулисами театра Никандр Сергеевич появлялся прекрасно одетым, в белой крахмальной рубашке, с бабочкой. И на сцене он производил очень сильное впечатление благодаря своей собранности, целеустремленности, большому темпераменту. Ну, а его голос просто поражал мощью и металлическим блеском. Вот и сейчас он встает передо мной в своих ролях, а их целая галерея: Герман, Садко, Собинин, Финн, Хозе, Радмес, Отелло, Кавардоси, Каховский. Не могу решить, какой из них отдать предпочтение.

(Продолжение следует).

(Продолжение. Начало см. «Большой театр», № 19, 1991 г.).